

начиналась с создания темы. Он прекрасно понимал, что зерно, из которого вырастет сочинение, должно быть здоровым и интересным. Он требовал яркости материала от студента — и часто добивался этого. Иногда работа над сочинением не заканчивалась и тогда, когда студент считал, что уже поставил точку.

Он учил не только студентов, у него всегда было несколько учеников в Школе-десятилетке при консерватории. Авторитетность суждений и неторопливость высказываний оказывали на подростков значительное воздействие. За спокойствием всегда проступала большая мудрость. Если в работе со студентом он часто принимал индивидуальную стилистическую направленность последнего, то в занятиях со школьником было больше возможностей аккуратно, без давления форми-

ровать музыкальные предпочтения ученика. Он с удовольствием показывал музыку столь любимых им Бетховена, Бартока, а потом неожиданно приоткрывал дверь в мир необычных звучаний второй половины XX столетия. При всей стилистической стройности собственных сочинений и внутреннем неприятии некоторых находок современников Александр Дереникович никогда не считал нужным изолировать ученика от того, что происходит вокруг. Музыка второй половины XX века он блестяще знал, учил понимать и любить ее.

Уход из жизни такого мастера всегда воспринимается как невосполнимая утрата. Настоящий педагог, до конца отдававший себя ученикам, А.Д. Мнацаканян оставил о себе светлую память в сердцах людей, имевших счастье общаться с ним.

Arkady KLIMOVITSKY
About Sarah Belkina, wonderful
person, incomparable friend,
my dear teacher

Аркадий КЛИМОВИЦКИЙ
**О Сарре Евсеевне Белкиной,
удивительном человеке,
несравненном друге,
дорогом Учителе**

Не раз задумывался я над тем, что происходит, когда вдруг ощущаем: в нашей жизни свершается нечто, выходящее за пределы настоящего времени, настоящего мгновения — такой момент мы переживаем как *начало* одного из жизненных сюжетов. Таким *началом* стало для меня сильнейшее переживание последних дней августа 1953 года: я услышал удивительный — мне придется постоянно прибегать к такому определению, связанному с чрезвычайностью события ли, интенсивности переживания — голос, мгновенно приковавший к себе: певучий, глубокий и грудной и одновременно — обаятельно-звонкий и легкий. (Забегая далеко вперед: этот голос и свернутое в нем ощущение радостно-

трепетно-родного и незаурядного прошло через всю мою жизнь, и когда судьба разметала нас с обладательницей его по разным полушариям, я звонил за океан и, как в юности, ждал этот голос, вслушивался в него... И узнавая, произносил про себя: все в порядке...) Тот голос принадлежал светловолосой, статной, легкой (но при этом не стремительной и даже не быстрой) в движениях молодой женщине. Удивительной: сразу приковали к себе ее обаяние и приветливость, улыбочность и взор лучистых глаз. В руках у нее — большой букет цветов... Мне показалось, что она заметила странного юношу, буквально замершего при встрече с ней (впоследствии она призналась, что так оно и было). Приветливо

и весело общаясь со своими коллегами и студентами-старшекурсниками, она, как показалось, улыбнулась мне. Тот миг запечатлелся в моей жизни навсегда...

Тогда я еще не знал, что это — *та самая*, знаменитая Сарра Евсеевна Белкина, что поступив на теоретико-композиторское отделение Музыкального училища при Ленинградской (ныне Санкт-Петербургской) консерватории, я был среди счастливых, оказавшихся в классе сольфеджио и теории музыки у С. Е. — в музыкальных кругах ее имя тогда уже было окружено ореолом легендарности и произносилось всеми и всегда с особой значительностью. Стать ее учеником почиталось большим везением. И сегодня убежден: высочайшая репутация С. Е. обязана и ее виртуозному педагогическому мастерству, и ее личностной незаурядности.

Более 60 лет минуло с того дня, когда С. Е. провела с нами первый урок, и с этого мгновенья мы ждали каждого ее занятия с замиранием сердца — как праздника. Встреча с ней сразу же разрушила, казалось бы, незыблемое представление (подкрепленное собственным опытом *доучилищного* ученичества) о сольфеджио как о дисциплине сугубо «тренировочной», «вспомогательной», «технологической» и уже потому неизбежно «сухой». С. Е. вдохновенно раскрывала нам *поэзию сольфеджио*, его истинный смысл и высокое назначение: развитие музыкального слуха как *слухового сознания*, обеспечивающего возможность адекватного восприятия музыки, постижения ее сути, обретения и развития навыков — музыкантской, *сознательно-слуховой* прежде всего, — ее *оценки*.

Требовательно-суровая и бескомпромиссная во всем, что касалось нашей профессии, С. Е. сразу покорила нас редчайшим *даром человечности* — поразительной душевной открытостью, щедростью и расположенностью к людям, *даром учительства* — в высшем смысле этого слова, *даром влюбленности* — в жизнь, в искусство, в музыку (благодарная память учеников хранит организованное С. Е. прослушивание Восьмой симфонии Шостаковича и последующий разговор о ней — и это в начале 50-х гг.! — за что, кстати, С. Е. получила соответствующее «внушение» административного и партийного начальства).

Сарра Евсеевна сразу пленила нас удивительным обаянием: каждому казалось, что ее приветливая улыбка, взор лучистых глаз, в которых всегда искрились огоньки живого и непременно доброго юмора, обращены к нему. Самое поразительное, что каждый из нас был прав, — и какой же радостью и счастьем была возможность учиться в такой атмосфере, просто быть рядом с С. Е., испытывать чувство надежной защищенности ее душевным теплом, исходящими от нее светом, покоем!

Сарру Евсеевну отличала яркость и многообразная одаренность. И то, и другое имело универсальный характер — прежде всего это было свойством личности. С. Е. была талантлива во всем: удивительно ярко, интересно и радостно жила — творчески и богато пере-

живала мир, в котором неустанно открывала красоту, людей — особенно когда встреча с ними становилась радостным событием. Она жила в атмосфере непрерывного открытия — всякого подлинного художественного явления и красоты — города, музыкального события, филармонического концерта, театральной премьеры, книги — и обо всем непременно рассказывала своим ученикам, рассказывала увлекательно, темпераментно, «жарко». Она была душевно открыта и обращена к людям: радостно относилась к ним, к ученикам — она была потрясающим Учителем — *Учителем от Бога*, не просто замечательным другом — *Другом талантливым*, Другом, артистично и одухотворенно ведущим свою партию в каждой из непрерывно возникавших на ее пути жизненной встрече, всегда оставлявшей глубокий след в душах и сердцах тех, кому выпало счастье с ней общаться.

Ученикам принадлежало среди них особое место. С 1939 года (еще в студенческую пору) началась подвижническая и всегда радостная для нее самой и окружающих, тех, кто восхищенно наблюдал увлекательное педагогическое творчество Сарры Евсеевны, ее Учительство (она — среди создателей теоретико-композиторского отделения Музыкального училища при консерватории, долгие годы определявшая его драгоценную психологическую и нравственно-этическую атмосферу и высочайший профессиональный статус, долгие годы возглавляла теоретический отдел Средней специальной музыкальной школы). Во многом под ее и благотворным и сильнейшим влиянием — профессиональным и личностным — формировалась музыкальная — музыковедческая, композиторская и исполнительская — среда Ленинграда-Петербурга 1940–1980-х гг. Она впитала ту потрясающую и неповторимую атмосферу, отличавшую — вопреки разгулу в стране жестокого коммунистического террора 1930-х гг. — связанную с замечательными музыкантами консерватории: С. Е. в студенческие годы слушала лекции легендарного И. И. Соллертинского, с которым у группы студенток курса — С. Е., М. В. Шапиро (в будущем мама композитора А. А. Кнайфеля) и Т. В. Френкель (в будущем мама дирижера П. А. Бубельникова) установились почти дружеские отношения. Такие же отношения были с Д. Шостаковичем, знаменитое первое исполнение Пятой симфонии которого стало жизненным и творческим событием-потрясением многих поколений — С. Е. пережила ее в юности. Ее Учителя — самые выдающиеся и тогда еще молодые профессора: Ю. Н. Тюлин, Х. С. Кушнарев, Р. И. Грубер, М. Г. Гергелевич, облик которых воплощал противостояние высокой культуры, духовности, этики — разгулу государственной инквизиции в точном значении этого понятия...

Нам, ученикам С. Е. уже в 50-е годы, казалось, что через нее мы слышим их голоса, слышим лекции Соллертинского, Тюлина, Кушнарева. А когда уже осенью 1955 года на премьере Скрипичного концерта Шостаковича, мы с «фирменных» студенческих мест на хорах Большого зала (обычно слева) с замиранием сердца

смотрели на автора, с нами была С. Е., рассказывавшая о встречах с композитором в предвоенные консерваторские годы.

Вокруг Сарры Евсеевны непостижимым образом возникала особая атмосфера: при встрече с ней становилось светло на душе, урок ее — всегда праздник. Одно из сильнейших впечатлений и переживаний связано с приездом ее в Петербург поздним летом 2000 года.

...Признаюсь: я очень волновался. Опасался, что годы разлуки — мы не виделись семь лет — и каких лет! — скажутся на эмоциональной и психологической температуре и непосредственности нашей встречи. Позднее С. Е. призналась, что то же тревожило и ее. Я был чуть в стороне от радостной толпы встречающих: мы незаметно для всех переглядывались с С. Е. и прежде, чем обнялись, счастливо ощутили беспочвенность взаимных опасений...

Мы виделись часто: С. Е. была в доме моего сына и замечательно встретила с моими внуками (старший из них родился незадолго до ее отъезда), сын возил ее по любимому городу — это было настоящее паломничество в дорогие нам обоим места... Где-то в глубине души скребло горькое «...видимся в последний раз...», но хотелось гнать это от себя прочь: и петербургская погода в эти дни была потрясающая, словно сделав всем нам царственный подарок, и С. Е. была той же, словно виделись мы с ней не спустя семь лет, а вчера — обаятельной, приветливой, подвижной...

Конечно, весть о приезде С. Е. распространилась в музыкальной среде города молниеносно: прежде всего, ее ждали; со многими она встречалась — дома, в Училище и в Школе, многие приходили к ней домой (в квартиру, где много лет до отъезда жила С. Е. с семьей и где сегодня она остановилась по приглашению уже нынешних ее владельцев), у многих она сама уже побывала — все, естественно, стремились «заполучить» ее к себе.

...Появление С. Е. в Большом зале филармонии стало в точном смысле слова событием-действием. Она шла по проходу партера и те, кто видели ее — совершенно не изменившуюся, как всегда подтянутую, державшуюся в присущей ей и такой знакомой всем манере — с легкой походкой, улыбочку, с искрящими глазами, переживали радостное мгновение узнавания и встречи с дорогим человеком. Кто-то потянулся к С. Е., кто-то побежал к ней, и те, кто уже был на местах, стали подниматься... Возникло стихийное движение навстречу С. Е. и не только в партере: в оркестре в 2000 году еще были те, кто когда-то учился у нее, их дети, тоже учившиеся у С. Е. Я, находясь рядом, непосредственно ощущал энергетику этого порыва, радостной устремленности к С. Е.

...Мощный личностный дар ее проявился и в том, как С. Е. адаптировалась к жизни в самый трудный для себя момент: в новой стране, куда ей пришлось эмигрировать. Что значило для С. Е. расстаться со своей средой, где она училась, работала — так вдохновенно и талантливо, рас-

статься с ближайшими друзьями, с которыми так творчески интенсивно и насыщенно шла жизнь, с дорогими учениками, общение с которыми было постоянным, и оказаться совсем в новой — *чужой* среде и в атмосфере совершенно чужого языка (с детских лет она знала немецкий, но с английским никак не соприкасалась), среди новых людей — вне своего привычного окружения... Мы с ужасом ждали неизбежного кризиса.

Он, конечно, настиг Сарру Евсеевну, но далее... произошло нечто совершенно невероятное. Вот какой увидели ее в Филадельфии те, кто волею судеб оказались здесь много раньше, нежели она, и создали свою культурную среду? «На одном из творческих приемов, которые регулярно проводит общество „Побережье“, — писал известный журналист Вячеслав Сподник, — я увидел необычную, на мой взгляд, женщину. Ее лицо, отмеченное временем, несло на себе следы былой красоты, обратившейся в очарование старости. И выражало оно крайнюю степень заинтересованности в событиях, происходящих вокруг, за которыми она внимательно наблюдала. У нее был живой, мудрый взгляд, вела она себя с достоинством знающего себе цену человека.

...Наше личное знакомство произошло в ее маленькой уютной филадельфийской квартире, обстановка которой живо перенесла меня в незабываемый колорит старых ленинградских домов, где поколение за поколением проживали представители настоящей рафинированной интеллигенции... Маленькая комната, стены увешаны картинами и фотографиями, книги по искусству и музыкальной тематике, статуэтки на полках и старинное пианино в углу [все это — такое знакомое мне... — А. К.] »¹.

С. Е. очень скоро, можно сказать — стремительно оказалась в центре разнообразной и неожиданно интенсивной культурной жизни русскоязычной среды Филадельфии. Органично войдя в новую для себя языковую среду (английским она овладела настолько успешно, что писала шуточные стихи, адекватно воспринимавшиеся в аудитории, однако регулярные занятия продолжала до последних лет), она стала заниматься не только с привычной ей возрастной — юношеской и взрослой — аудиторией, не только преподавала сольфеджио и теорию музыки, но увлеклась обучением детей игре на рояле — и, как много лет назад, в России, к С. Е. устремились дети, ведомые за руку своими родителями, ибо сразу становилось ясным, что это за везение — оказаться в числе ее учеников.

Одновременно к С. Е. не раз обращались крупные в самых разных областях специалисты, в радостном общении ней обнаруживавшие для себя возможность узнать о музыке что-то новое, за что всегда высказывали ей свое восхищение.

Один из них — Сергей Якличкин, профессор Пенсильванского университета: «Я едва ли не с детства хотел научиться играть на музыкальных инструментах. По специальности я биолог. Учеба, работа, защита дис-

¹ Сподник В. Легендами не рождаются, ими становятся // Реклама и жизнь. 21 июля 2011 года. № 30. С. 40.

О Сарре Евсеевне Белкиной

сертации, научные исследования поглощали все мое время. Я и сейчас работаю в университете, веду проекты. На одной из творческих встреч в литературном салоне „Побережье“ я познакомился с Саррой Евсеевной Белкиной. После разговора с ней я понял, что пора осуществить свою давнюю мечту. И я... счастлив, что начал с ней заниматься музыкой. Она не просто замечательный, уникальный человек, но и блистательный преподаватель...

Меня интересует теория музыки и композиция, а также развитие музыкального слуха. Начав занятия с самых азов, я раскрыл для себя с помощью Сарры Евсеевны сложный мир музыки и богатство ее красок. Каждое занятие приносило нечто новое, интерес и желание больше узнать о классической музыке. Наши занятия сопровождались интереснейшими беседами об истории музыки и композиторах. На протяжении двух лет я почерпнул много знаний по теории музыки. Таким образом, мой длительный путь в мир музыки только начался, и я с удовольствием продолжаю свои занятия, с энтузиазмом и вдохновением»². Добавлю: такие удивительные «творческие дуэты» не однажды возникали и в Ленинграде: мы постоянно видели нашу Сарру Евсеевну в среде математиков Института точной механики и оптики, где работал ее муж, помню их с Александром Давидовичем совместное обсуждение перспектив одного из начинавшихся тогда исследований. И как же прислушивался он к С. Е.!

Много писала она в газеты, ее выступления в прессе всегда ждали как радостного события.

Неповторимость облика Сарры Евсеевны была очевидна всем и сразу. «Прежде всего,— говорил о ней в интервью писатель, главный редактор журнала «Побережье» Игорь Михалевич-Каплан,— это человек бесконечно скромный и порядочный во всех отношениях. За все годы нашего знакомства я не слышал, чтобы кто-то отозвался о ней недоброжелательно... Нет ни одного значительного симфонического или оперного концерта, который она бы пропустила. Сарра Евсеевна активно участвует во всех культурных событиях и мероприятиях: театральных, литературных, музыкальных. Вот уже исполнилось двадцать лет, как она вместе с нами разделила судьбу эмиграции. Ее живое участие и присутствие во всем учит нас бережному отношению к культуре и к искусству в целом. Если можно так образно выразиться — мы все ее ученики по жизни. Она строга, справедлива, мудра, полна достоинства и выдержки, у нее прекрасное чувство юмора, великолепная память. Быть ее другом — большая привилегия»³.

В эмиграции она была окружена любовью и восхищением — тех, кто впервые ее увидел, и тех, кто, как и она, связали свою жизнь с США. Это — встретившиеся с С. Е. еще в Ленинграде (ныне С.-Петербурге) Фаина Брянская, супруги Люси и Михаил Брайлоские, Наталия и Вадим Рывкины. В постоянном общении с ней был Петр Меркурьев, дом Сарры Евсеевны всегда был открыт всем ленинградцам-петербуржцам, приезжавшим в Америку по делам.

Сарра Евсеевна давно и навсегда стала для меня одним из самых главных и дорогих людей. Множество впервые прочитанных книг я получил из ее рук, из замечательной библиотеки, собиравшейся в этом доме его главой, незабвенным Александром Давидовичем Рубиновым (восторженно увлеченное отношение к нашему учителю распространялось на всю ее семью, благодатную атмосферу которой мы сразу ощутили и очень ею дорожили), и Саррой Евсеевной. Моя неутраченная боль — наша с ней вынужденная разлука. Но она не смогла поколебать нашей душевной близости: Сарра Евсеевна постоянно присутствовала и ныне присутствует в моей жизни, о ней знают и будут знать мои ученики, которым не довелось у нее учиться, мои внуки, родившиеся уже после ее переезда на другой континент, она знала о них — всё.

Сарра Евсеевна прожила большую жизнь, прожила достойно и впечатляюще красиво. Ее счастливый семейный союз с А. Д. Рубиновым, счастливое материнство — я узнал их сына пятилетним Юрочкой, подарившим маме счастье стать любимой и любящей бабушкой и прабабушкой.

1 октября 2012 года я разговаривал с Саррой Евсеевной и в последний раз поздравил ее с Днем рождения. Юра, ее сын, понимая, что это наша последняя встреча, наладил нам контакт по скайпу... Мы говорили несколько минут... 11 ноября ее не стало...

Уход Сарры Евсеевны для всех, кому выпало счастье встретиться с ней, учиться у нее, более 60 лет общаться с ней как с очень близким и дорогим другом — большое горе. И, как всегда в тяжкие минуты, мы ищем утешение и защиту в русском языке. Мы вспоминаем щемяще прекрасные строки В. А. Жуковского:

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.*

² Цит. по: [Там же, с. 42].

³ Цит. по: [Там же, с. 42].